

щения и деспотизма, французский философ, правда в сдержанной и осторожной форме, намекнул, что Россия, которую просветил Петр I, должна быть исключена из этого ряда. Радищев прямо отождествил Россию с «азиатским правлением».

Цитируя полемические выпады Гельвеция против Руссо, Радищев одновременно использовал в «Путешествии» цитаты и из произведения женеваского мыслителя. Нам уже приходилось указывать на использование в главе «Новгород» положений из трактата «Об общественном договоре».¹⁸ Однако в данной связи более интересны ссылки на ранние трактаты как непосредственную причину нападок Гельвеция.

В главе «Крестыцы», изложив свойственную материалистам XVIII в. концепцию отношений между родителями и детьми как основанных на выгоде и собственном интересе каждой стороны, Радищев переходит к теории подвига. Здесь он утверждает, что последование закону — первый долг человека в гражданском состоянии. Последование это не представляет трудностей в странах, где добродетель и закон не противоречат друг другу взаимно. «Но где таковое общество существует?». В случае же, когда закон «отлучает <...> от добродетели», последование ей остается неукоснительным правилом вплоть до того крайнего случая, когда добродетель предписывает гибель: «Умри.— В наследие вам оставляю слово умирающего Катона» (I, 292—295).

В трактовке героизма как особой проблемы социальной педагогики Радищев решительно разошелся с Гельвецием, и здесь ему потребовался такой союзник, как Руссо: весь приведенный выше ход рассуждения тесно связан с полемикой между Руссо и Бурдесом. Оппонент Руссо, засвидетельствовав свое уважение добродетелям Брута, Лукреции и Сцеволы (о Катоне он отозвался как о плохом гражданине), высказался в пользу государства, отличающегося твердым управлением, в котором граждане не имеют нужды в столь жестоких добродетелях. Руссо отвечал ему: «„Государство мощное и хорошо управляемое!“ — Что ж, я не против. — „Где граждане не были бы вынуждены прибегать к столь жестоким добродетелям“. — Согласен. Конечно, более удобно жить при таком порядке вещей, когда каждый избавлен от необходимости проявлять душевное благородство. Но если граждане этого вызывающего восхищение государства в результате некоего бедствия окажутся перед выбором: отказаться от добродетели или прибегнуть к этим жестоким доблестям, разве меньше будет оснований для восхищения, если они найдут в себе силы выполнить свой долг».¹⁹ Как пример и образец приводится Катон. Антитеза — подчинение закону, влекущее за собой раб-

¹⁸ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 565. Ср.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев... с. 122.

¹⁹ Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau. vol. I, p. 163.